

Мавринский Илья Игоревич

ГРАНИЦЫ СОБСТВЕННОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПРЕДМЕТНОСТИ: КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ФОРМАЛИЗАЦИЯ

Статья посвящена анализу стратегии внесения собственной определенности в предметность. Рассмотрение данного способа осуществляется посредством обращения к античной онтологической традиции. Собственная определенность предметности, разработанная Аристотелем, рассматривается как альтернатива смысловой определенности, восходящей к Платону. Разработка данной альтернативы ведется через аристотелевское разрешение проблемы соотношения единичного и общего. Таким образом, обнаруживаются границы стратегии внесения собственной определенности: контекстуальность, смысловая определенность сущности, формализация.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С. 98-101. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

заведениях разного типа, составив 15 611 человек [Там же, с. 51]. Как и в других областях административной деятельности в наместничестве, зигзаги в управлении учебным делом определялись изменениями в общей политической линии, вырабатываемой центральной властью по отношению к Кавказу.

Список литературы

1. Бзаров Р. С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2005. № 3. С. 30-77.
2. **Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг.** СПб., 1870. 120 с.
3. Габеев А. Я. Основные этапы развития народного образования в Осетии (1740-1917 гг.) // Материалы по истории осетинского народа: сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942. Т. V. С. 3-24.
4. Гагагова Л. С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: РИЦ «Россия молодая», 1993. 143 с.
5. Гостиева Л. К. Православие в Осетии. Очерки о православном духовенстве второй половины XIX – начала XX в. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. 557 с.
6. **Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902** / сост. С. В. Рождественский. СПб., 1902. 840 с.
7. **Материалы по истории осетинского народа:** сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе: Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1942. 296 с.
8. Модзалевский Л. Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. Отд. I. С. 3-96.
9. **Отчет начальника Осетинского Округа за время с 1-го Января 1863 по 1-е Января 1869 года** // Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): сборник документов / сост., вступ. ст., коммент. Е. И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. 399 с.
10. **Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗРИ-II).** Т. XXXIII. Отд. 1-е. № 33221.
11. ПСЗРИ-II. Т. XXXV. Отд. 1-е. № 35780.
12. ПСЗРИ-II. Т. LXII. Отд. 1-е. № 44748.

REALIZATION OF STATE EDUCATIONAL POLICY IN OSSETIA IN THE 60S OF THE XIX CENTURY

Ladonina Natal'ya Aleksandrovna

*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania
natasha-ladonina@yandex.ru*

The article analyzes changes in the sphere of education in the Caucasus in the 60s of the XIX century. These years are marked by the revival of education, which is associated with the activity of Grand Duke Michael Nikolaevich's vicegerent. Yet the basic task – establishing “national school” – was solved not by the state bodies but by the institutions of the religious affairs department. The author shows new forms of organizing education in Ossetia: mountain, parochial, women's schools, a non-classical progymnasium. Their origin and functioning are examined in the context of state educational policy.

Key words and phrases: Ossetia; educational policy; mountain schools; Society for Restoration of Orthodoxy in the Caucasus; parochial schools; women's schools; non-classical progymnasium.

УДК 165.1

Философские науки

Статья посвящена анализу стратегии внесения собственной определенности в предметность. Рассмотрение данного способа осуществляется посредством обращения к античной онтологической традиции. Собственная определенность предметности, разработанная Аристотелем, рассматривается как альтернатива смысловой определенности, восходящей к Платону. Разработка данной альтернативы ведется через аристотелевское разрешение проблемы соотношения единичного и общего. Таким образом, обнаруживаются границы стратегии внесения собственной определенности: контекстуальность, смысловая определенность сущности, формализация.

Ключевые слова и фразы: смысловая определенность; собственная определенность; идея; сущность; онтология; этика.

Мавринский Илья Игоревич, к. филос. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
mavrinsky@rambler.ru

**ГРАНИЦЫ СОБСТВЕННОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПРЕДМЕТНОСТИ:
КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ФОРМАЛИЗАЦИЯ[©]**

Вопрос о собственной определенности предметности обнаруживает себя как альтернатива смысловому способу определения, восходящему к Платону. Необходимость указанной альтернативы связана с возможностью

тиражирования смысла, имитации обладания им, расхождения между рассуждением и действием, реализованной одним из учеников Сократа – Алкивиадом [6]. Указанная возможность ставит под вопрос центральное для греков требование заботы о себе [10], которая не может осуществляться только на основании обладания смыслом добродетели, искусством убеждения и аргументации, поскольку делает прозрачной границу между философом и софистом. Таким образом, необходимость выстраивания собственной определенности предметности имеет однозначно выраженные этические корни и обнаруживает проблемное поле между повседневностью, в которой тот или иной смысл присутствует и реализуется, но не может быть передан (Перикл, обладая добродетелью, не может передать это даже своим детям) и софистическим искусством, которое позволяет научить стратегиям аргументации и убеждения, но обнаруживает тиражируемость, имитацию смысла.

Разработанная Платоном стратегия внесения смысловой определенности позволяла модифицировать сущее в соответствии с наличием идеи, понимаемой нами как единство смысловых отношений предмета. Причастность идее и ее отрицанию вполне может обнаруживаться в отношении одного и того же предмета и предполагает лишь различие смыслов, в которых речь идет о причастности или непричастности, что и ложится в основу платоновского понимания диалектики [7]. Поле смыслов в таком случае оказывается однородным, то есть предполагает возможность различения смыслов, их соединения, что и оказывается задачей философа: «Кто, таким образом, в состоянии выполнить это, тот сумеет в достаточной степени различить одну идею, повсюду пронизывающую многое, где каждое отделено от другого; далее, он различит, как многие отличные друг от друга идеи охватываются извне одною и, наоборот, одна идея связана в одном месте совокупностью многих, наконец, как многие идеи совершенно отделены друг от друга» [Там же, с. 388].

Однородность смыслового поля и возможность на его основании модифицировать сущее формируют в таком отношении порядок перехода от причастности вещей идеям к вышеуказанному взаимодействию идей, что самим Платоном называется восхождением [8]. Смысловая стратегия внесения определенности предполагает восхождение к благу, которое по Платону является источником существования всех вещей: «познаваемые вещи не только могут познаваться лишь благодаря благу, но оно дает им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно – за пределами существования, превышая его достоинством и силой» [5, с. 291]. Тем самым, через идею существования круг сущего замыкается: то, от чего мы переходим к идеям, в процессе восхождения обнаруживает то, что дает им бытие, то есть способность действовать или претерпевать воздействие [7].

Альтернативная стратегия внесения определенности, впервые разработанная учеником Платона Аристотелем, имеет в качестве фокуса внимания не вопрос причастности идеям, но вопрос о том, что представляют собой сами вещи, именно поэтому речь и идет здесь о собственной определенности. Разумеется, речь не идет о том, чтобы каким-либо образом устранить или нивелировать благо. Напротив, стратегия обнаружения собственной определенности предметности предполагает обнаружение блага как того, что укоренено в сущем, то есть имеет непосредственное отношение к основочерте сущего – изменчивости, а значит, темпорально окрашено. Благо оказывается одним из смыслов необходимости, непосредственно связанной с конкретным сущим: «то, без чего благо не может ни быть, ни возникнуть, а зло нельзя устранить или от него освободиться (например, выпить лекарство необходимо, чтобы выздороветь, и поплыть в Эгину, чтобы получить деньги)» [2, с. 151]. При этом необходимость связывается и с принуждением, которое сильнее желания и собственного решения: больной водянкой хочет пить, благо его заключается не в том, чтобы дать ему пить, а в том, чтобы, причинив ему некоторые страдания, вылечить. Очевидной оказывается возможность разных порядков реализации блага: финальный порядок реализации блага не равен порядку блага в момент настоящего. Алкивиад оказывается тем, кто в каждый момент времени реализует собственное благо (как больной водянкой), однако, в финальном порядке оказывается лишенным добродетели.

Финальный порядок реализации блага обнаруживает себя в смерти, что выражается и в платоновском понимании философии как приготовления к смерти [9]. Это делает очевидной задачу оценки блага на момент настоящего у Аристотеля: необходимость оценки момента настоящего предполагает знание для того, чтобы работать с благом как финальным горизонтом. В таком случае знание оказывается предметом стремления, сцепляя онтологический порядок с порядком реализации субъективности. Но со знанием связана первая апория аристотелевской метафизики: познаваемо общее, а дано – единичное [2].

Очевидно, что проблема соотношения единичного и общего должна решаться на уровне онтологии: нужно каким-то образом удерживать данность, поскольку данность постоянно смещается, сущее изменчиво и то, что дано как сущее, есть некоторый поток постоянных трансформаций и модификаций. Это отсылает к проблеме, обнаруженной Платоном: пока мы ведем речь о вещах, они меняются, речь не успевает за изменениями сущего, всякий раз оказываясь не актуальной. Отсюда знаменитые «друзья вещей» и «друзья идей» [7]. Если Платон решает эту проблему через введение единства смысловых отношений предмета – идею, показывая возможность трансформации сущего в зависимости от обладания теми или иными смысловыми отношениями, то интенция Аристотеля – разрешить эту задачу через работу с единичным, данностью. Иными словами, поточность происходящего начинает запаковываться или сворачиваться в единичную предметность, ту самую, о которой речь идет как о данности. Именно это, как представляется, лежит в основе «вопрос о том, что такое сущее, – есть вопрос о том, что такое сущность» [2, с. 188].

Обнаруживающая себя данность оказывается фокусом нашего внимания, с ней нужно как-то иметь дело, удерживать ее в этом фокусе. Стратегия обнаружения собственной определенности отсылает к необходимости удерживать данность, обнаруживает, что то, что должно удерживаться, – есть то, что Аристотель назовет сущностью вещи, сущностью [2]. Сущность, как известно, является универсальным подлежащим, субъектом в логическом смысле: «сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, – это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем» [1, с. 56]. Таким образом, речь идет о том, что можно обозначить в качестве открытого горизонта определенности. Действительно, наличие данности еще ничего не говорит об определенности этой данности, напротив, обнаруживается, что данное – постоянно и непрерывно модифицируется. Очевидно и то, что есть различные способы определения данности как того, о чем идет речь или с чем мы имеем дело.

Стремление к работе с данностью обнаруживает, что данность всегда конкретна, она всегда разворачивает себя как здесь и сейчас присутствующая. В этом отношении, необходимо таким образом развернуть пространственно-временные отношения, чтобы определить данность. Определять то, что такое это данное схваченное в некотором контексте можно исключительно из смыслового горизонта, собственный горизонт данности неопределим. Определение дается вещи, но оно вещь не определяет. Так, определение человека из горизонта биологической активности не то же самое, что определение человека из горизонта политической активности. Определения окажутся не просто разными, они окажутся определениями, которые и не должны между собой состыковываться. В самом деле: сущность мы удерживаем, как способ работы с данностью, у данности бесконечное множество признаков, соответственно, речь идет не о том, что вещи должны соответствовать нашим представлениям о них, но о том, что способ работы с вещами должен обнаруживать собственную адекватность вещам. Таким образом, разработанная Платоном стратегия внесения смысловой определенности, оказывается включенной, но уже на стороне конкретного сущего в стратегию внесения собственной определенности: смысл оказывается тем, что определяет направление работы с данностью.

Конкретность данности обнаруживает и то, что столкновение с ней имеет место всегда в определенном контексте, то есть, не просто здесь и теперь, а в здесь и теперь происходящем и именно оно позволяет удерживать данность в качестве данности. Так и только так обнаруживает смысл процедура деления на существенные и несущественные признаки. В том контексте, в котором удерживается данность, нужно представить себе, что признак изменен или удален, и если при изменении или удалении признака предмет не перестает быть собой, выполнять свое дело [3], то признак был несущественным, а если перестает – существенным. Иными словами: контекст включает в себя способ трансформации, то есть, нужно так задать несущественный признак, чтобы он действительно был возможен в качестве несущественного. Речь всегда идет о некоторой контекстности происходящего, и она-то и позволяет нам обнаружить существенное и несущественное. В таком случае контекст оказывается второй границей внесения собственной определенности: задавая вопрос о том, что представляет вещь сама по себе, необходимыми оказываются как теоретический горизонт, заданный смысловым отношением (определяем человека, например, как предмет биологии), так и горизонт, заданный порядком практик (существенный признак в одном отношении может оказаться несущественным в другом).

Что в таком случае оказывается предметом работы, когда речь идет о данности? Способ рубрикации предметного поля, система инвариантов, которые распространяются на любую данность, данность как таковую. Сами начала не являются данностью, но позволяют ее характеризовать: «Если они (*начала* – прим. автора – И. М.) нечто общее, то они не могут быть сущностями, ибо свойственное всем [единичным одного рода] (κοινων) всегда означает не определенное нечто, а какое-то качество, сущность же есть определенное нечто» [2, с. 118]. При этом наиболее общие рода сказывания – категории – позволяют охарактеризовать все сущее. Действительно, если добавление признаков не дает единичного предмета – первой сущности, то напротив, обобщение (то есть операция увеличения объема понятия уменьшения содержания) имеет в качестве предела категории, позволяющие единичный предмет получить. Так достаточно категорий сущности, времени и места для того, чтобы указать на единичный предмет: в это время, в этом месте, есть только один предмет. Соответственно, остальные категории выполняют роль прочих равных обстоятельств, позволяющих уточнить контекст, в котором речь идет о единичном предмете. Таким образом, поле сущего в рамках стратегии внесения собственной определенности замыкается именно посредством единичного предмета: данность, с которой мы имеем дело, требует для собственного удержания учения о началах и причинах, распространяющихся на данность как таковую, то есть обнаруживающих характер инвариантов, которые позволяют вносить в нее (данность) определенность.

Наконец, этическая трудность, обнаружившая границу платоновской стратегии внесения смысловой определенности, решается здесь следующим образом. Сущность, как отмечалось, обнаруживает себя в контексте, имеет место лишь контекстное удержание смысловой определенности. Тогда то, как «собирается» конкретная сущность, будет зависеть от смысловой определенности конкретных действий, от того, в каком поле эта данность фиксируется, как она может быть реализована, от того, какая цель полагается, когда мы имеем дело с этой данностью. Работа с сущностью обнаруживает конкретную конфигурацию субъективности: нечто притягивает или отталкивает взгляд, становится предметом разыскания или, напротив, обнаруживает себя как само собой разумеющееся. С одной стороны, такая ситуация отсылает нас к приоритету данности,

с другой – требует дистанции по отношению к ней. Как речь и познание проигрывают сущему в отношении собственной актуальности, также возможна ситуация, в которой в каждый момент времени действие осмысленно, но в целом мы получаем бессмысленный процесс. Здесь, как отмечалось, нам нужна временная размерность и она окажется главной целью в стремлении внесения собственной определенности в предметность, поскольку только она определяет финальность или временную локализованность блага.

В ситуации временной локализованности блага обнаруживает себя необходимость выработки вневременной (финальной) позиции, которой и является этическая позиция. Иными словами, если мы следуем за происходящим, то возникает вопрос, где же мы сами, мы оказываемся заложниками постоянно меняющегося сущего. Из временного горизонта действие, как правило, оказывается неверным, либо верным, но приходящим образом. Именно в силу изменчивости и случайности эмпирического ряда возможна ситуация, когда обстоятельства сложились так, что человек поступил «как должно», что вовсе не означает ни понимания, ни знания того, что такое добродетель.

С другой стороны, этическая позиция требует собственной реализации, то есть должна учитывать временную размерность, локализованность блага. Обнаруживается следующее: этическая позиция неприменима универсальным образом, одно и то же действие может, как отсылать к добродетели, так и обнаруживать ее отсутствие. Это позволяет понять, почему вопрос о благе относится к необходимости: в нравственном поле нужно найти инварианты, то, чему подчиняется происходящее, чем оно описывается и определяется. Именно эти найденные инварианты и требуют реализации. Очевидно, что этика в таком случае не может быть простым набором предписаний или советов. Напротив, она предполагает предельно сложную экзистенциальную ситуацию, в которой сначала нужно оказаться, потом приложить усилия для того, чтобы себя в ней удержать и лишь потом что-то реализовывать.

Здесь обнаруживается еще одна граница стратегии внесения собственной определенности в предметность: возможность формализации. Формализация устраняет первоначальный контекст, в котором вводилась та или иная процедура. Так мы все пользуемся логикой, теорией определения, аргументации, но знаем ли мы, на каких основаниях они работают, почему те или иные процедуры можно применять? Утрата контекста, с одной стороны, упрощает применение той или иной процедуры, позволяет сформировать представление о гарантированности собственного результата. С другой стороны, вопрос о реализации собственной сущности, нашего имени дела с данностью заменяется вопросом о возможности некоторых гарантирующих процедур, которые начинают заполнять пространство повседневности, то есть, они оказываются нашим мифологическим пространством.

Список литературы

1. **Аристотель.** Категории // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1976. Т. 2. С. 52-90.
2. **Аристотель.** Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 64-367.
3. **Аристотель.** Метеорология // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. С. 442-556.
4. **Платон.** Алкивиад // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 172-196.
5. **Платон.** Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79-420.
6. **Платон.** Пир // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 97-160.
7. **Платон.** Софист // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 329-412.
8. **Платон.** Федон // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 11-96.
9. **Платон.** Федр // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 161-228.
10. **Фуко М.** Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007. 677 с.

BORDERS OF INTRINSIC DETERMINANCY OF OBJECTNESS: CONTEXTUALITY AND FORMALIZATION

Mavrinskii I'ya Igorevich, Ph. D. in Philosophy
Saint Petersburg State University
mavrinsky@rambler.ru

The article analyzes the strategy of bringing intrinsic determinancy in objectness. The consideration of the method is carried out by referring to the ancient ontological tradition. The intrinsic determinancy of objectness developed by Aristotle is seen as an alternative to sense determinancy, which goes back to Plato. The development of this alternative is carried out through Aristotelian resolution of the problem of the correlation of individual and common. Thus, the borders of the strategy of bringing in intrinsic determinancy are identified: contextuality, sense determinancy of entity, formalization.

Key words and phrases: sense determinancy; intrinsic determinancy; idea; entity; ontology; ethics.